

ТРУЖЕНИЦА
ВОСТОКА

Б. ПУРЕУКИЙ

КАЗЬКА

ИЗД. "ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И
МЛАДЕНЧЕСТВА"
МОСКВА

«ТРУЖЕНИЦА ВОСТОКА»

Под редакцией В. А. ГУРКО-КРЯЖИНА

Б. Д. ПУРЕЦКИЙ

КАЗАЧКА

ИЗД. «ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА» НКЗ
МОСКВА — 1928

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Выпуская по заданию Отдела Работниц и Крестьянок ЦК ВКП(б) серию «Труженица Востока», мы ставим себе целью дать широким массам советских читателей возможность ознакомиться с бытом, правовым и экономическим положением женщины советского и зарубежного Востока.

Кроме того, настоящая серия должна осветить работу и достижения партии и соввласти в области раскрепощения трудящейся женщины Востока.

В каждой из входящих в серию брошюр дается краткий очерк республики или области, в которой живет данный народ, его экономики и социального уклада.

В брошюрах о женщине зарубежного Востока имеется кроме того очерк национально-революционного движения данной страны. В серию входят брошюры:

1) Азербайджанка, 2) Грузинка, 3) Дагестанка, 4) Осетинка, 5) Туркменка, 6) Армянка, 7) Узбечка, 8) Казачка, 9) Башкирка, 10) Татарка (волжская и крымская), 11) Бурятка, 12) Ойратка, 13) Якутка, 14) Марийка, 15) Вотячка, 16) Калмычка, 17) Чувашка, 18) Таджичка, 19) Курдинка, 20) Мордовка, 21) Кабардино-Балкарка, 22) Чеченка, 23) Афганка, 24) Турчанка, 25) Китайянка, 26) Персиянка, 27) Зырянка, 28) Камчадалка.

Авторами брошюр являются члены-сотрудники Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК'е СССР. Серия издается под руководством заведующего П/Отделом нацменьшинств агитпропа ЦК ВКП(б) тов. С. М. Диманштейна и под общей редакцией члена президиума Научной Ассоциации Востоковедения тов. В. А. Гурко-Кряжина.

Издательство «ОХРАНА МАТЕРИНСТВА
и МЛАДЕНЧЕСТВА».

1. Общий очерк Казакстана и его населения

Казакстан—земля казаков протянулась на тысячи километров от Волги и Урала на западе до Китайской границы на востоке и от Великого сибирского пути на севере почти до пределов Персии и Афганистана на юге, гранича с республиками—Туркменской и Таджикской. Это громадное пространство около 3.000.000 клм. представляет собой равнину на юге и востоке переходящую в предгорья и горы со снеговыми вершинами Тяньшаня, Тарбагатая, Алтая и др., и опускается ниже уровня моря на западе к так называемой Арало-Каспийской низменности. Большую часть Казакстана занимают травяные степи, порой перемежающиеся обширными песчаными и солончаковыми пространствами: Кара-Кум, Муюн-Кум, Голодная Степь и др., обширными озерами: Аральское море, Балхаш, Чалкар-Дениз, Зайсан и много других и многочисленными реками: Аму-Дарья, Сыр-Дарья, Тургай, Иртыш, Эмба и др. На всем пространстве Казакстана наблюдаются почти одинаковые климатические условия с резко выраженным колебанием температуры—летом до 50° жары, зимой 35—40° холода, при весьма незначительном количестве осадков. Почва в значительной части страны плодородная, а при надлежащем орошении таит в себе большие производительные возможности. В южной, гористой части Казакстана имеются зна-

чительные лесные пространства, в остальной же части попадаются лишь небольшие рощицы, да заросли полукустарника-саксаула.

Однообразные естественные условия с малой затрудненностью взаимного общения способствовали образованию на территории Казакстана единой народности с общим языком и бытом, называющей себя «казак», которую еще недавно неправильно называли киргизами, или киргиз-кайсаками. Происхождение казаков в достаточной степени не ясно. По родовым понятиям их можно заключить, что они образовались много сот лет тому назад из различных народов. Так, например, племенные названия Кыпчак, Аргын, Найман, по авторитетному мнению акад. Радлова, несомненно, монгольского происхождения.

Казаки издавна делились на три отдела (орды): Большую Орду, живущую в восточной части области и в настоящее время самую малочисленную; Меньшую Орду, обитающую в западной части, и Среднюю Орду, находящуюся приблизительно между первыми двумя. В 1801 г. из Малой Орды выделилась Букеевская Орда в пределах нынешней Астраханской губ.

До перехода в русское подданство, в начале прошлого века, казаки вели почти исключительно кочевой образ жизни в рамках патриархально-родового строя со всеми свойственными этому строю особенностями хозяйственно-экономического уклада, институтом кровавой мести и т. п. Во главе родов стояли старейшины «аксакалы» и бии. Социальное неравенство существовало и выражалось в делении народа на «белую кость»:—султаны, ханы, хаджи, возводящие себя к потомкам Чингисхана и пророка Мухаммеда, и непривилегированные—«черную кость», не могущие похвастаться ни

происхождением, ни богатством. Только потомки ханов имели наследственные права султанов; власть, которых, впрочем, была ограничена народными собраниями.

По религии казаки мухаммедане-сунниты, но в отличие от многих других народов мусульманского вероисповедания не фанатичны, и религиозность их проявляется большею частью в исполнении обрядов, да и то без особенного усердия. Этому без сомнения способствовало то обстоятельство, что казаки до сих пор сохранили кочевой быт и у них даже не образовалось своей духовной касты; духовенство (муллы) у казаков почти все татарского или сартовского происхождения и большого влияния и уважения к себе не заслужило. Но у казаков есть другое зло—шаманизм, т.-е. вера в магическую и таинственную силу предметов, сковавшая их цепями невежества и темноты.

Все казаки говорят на тюркском языке, и большой разницы между отдельными наречиями их не замечается.

Не входя подробно в историческое прошлое казакского народа, отметим, что в XVII веке при хане Тявка они представляли собой наиболее сплоченную и наиболее сильную политически организацию. Затем начался упадок. В начале XVIII века теснимые джунгарами, потеряв столицу Туркестан, казаки принуждены были податься на запад и на север и в свою очередь потеснить калмыков и башкир, в которых нажили себе новых врагов. В 1730 г. казакский хан Абуль Хаир, теснимый со всех сторон, стремясь сохранить свою власть, решил отдаться «под покровительство» России. С этого момента царское правительство, пользуясь в качестве предлога борьбой отдельных казачьих родов, и постепенно возводя укрепленные линии,

всё дальше и дальше проникало в степь, всё крепче и крепче затягивало петлю национального угнетения на шею до тех пор свободного казакского народа. При этом пускалась в ход или вооруженная сила, или переманивание на свою сторону представителей кочевой аристократии. Подчинение казакских степей было весьма выгодно России, которая этим приобрела широкие колониальные возможности в смысле создания земельного фонда для крестьянства густо населенных районов.

Колонизационная и административная политика царского правительства оказала большое влияние на бытовой и хозяйственный уклад казакского населения, и до известной степени пошатнула основы родового строя.

Вместе с падением влияния и власти султанов возникает новая эксплуататорская группа; появляются ростовщики, как пришлые: татары, сарты и др., так и свои местные кулаки, которые начинают опутывать сетями экономической зависимости трудовые массы казаков. Баи-кулаки начинают все откровеннее захватывать себе лучшие земли. Развиваются чрезвычайные злоупотребления при выборах старшин и баев, которые всецело вовлекаются в водоворот царской политики и начинают терять значительную долю своего авторитета в глазах казакского народа. Захват лучших земель переселенцами из России и обеднение населения, принуждает многих казаков переменить свой кочевой быт на полуоседлый или даже оседлый.

Так, например, сокращение кочевнических возможностей вынудило многих хозяев делать на зиму фуражные заготовки. Значительный упадок скотоводства наметился уже во второй половине прошлого века. Так, если в 1870 году в Казак-

стане насчитывалось 6.388.220 голов скота, то в 1877 г. это число уменьшилось до 4.113.999, а в 1885 до 2.754.700 голов. Поскольку скот составляет главное богатство казаков, уменьшение его является ясным показателем упадка благосостояния населения. Из казаков, лишившихся скота, начинает образовываться своеобразный степной пролетариат «жатак». В 1872 г. таких степных пролетариев было 39.945, а в 1877 г. число их возросло до 53.439 чел. Главнейшей причиной обеднения послужил, как-то признается и некоторыми дореволюционными исследователями казакского вопроса, чрезвычайный рост ростовщичества, и произвол туземной и царской администрации при полной беззащитности населения. Разорившимся и притесняемым казакам оставалось или бросать скотоводство, или бежать. Действительно в этот период наблюдались частые откочевки казаков целыми аулами в пределы Китая.

Правда, был еще третий путь—восставать против притеснителей. Таких восстаний, несмотря на малую возможность их успеха, было несколько, как, например, восстание, руководимое ханами Кенесары и Наурызбаем (1838—1847 г.).

Последнее массовое восстание казаков произошло в 1916 г. Ближайшим поводом к нему явился приказ о мобилизации на фронт на тыловые работы. Восстание распространилось по всему Семиречью (Джетысу), отчасти на Сыр-Дарьинскую область, и было подавлено вызванными с фронта воинскими частями.

Установлению советской власти в Казакстане на первых порах оказала сильнейшее сопротивление партия Алаш-Орды, руководимая казакской националистической интеллигенцией. В своей политике эта партия фактически защищала интересы иму-

щих классов, что и доказала позже, блокировавшись сначала с Дутовым, а затем с Колчаком. С разгромом последнего, отдельные части Алаш-Орды начали переходить на сторону советской власти и влияние самой партии окончательно упало. 10 мая 1919 г. Советом Народных Комиссаров РСФСР было издано «Временное положение о ревкоме по управлению Киргизским краем». 26 августа 1920 г. была образована Автономная Киргизская Социалистическая Советская Республика, а в 1924 году произошло объединение с Кирреспубликой киргизских областей Туркеспублики, Бухары и Хорезма. В связи же с национальным размежеванием Средней Азии из состава КССР выделились не казакские округа, вошедшие в Узбекскую, Туркменскую и автономную область, а позже республику Каракиргизскую. На 5 съезде Советов КССР было постановлено о переименовании КАССР в Казакскую с центром Кызыл-Орда (бывш. Перовск).

Население Казакстана, по данным переписи 1926/1927 г. достигает приблизительно $6\frac{1}{2}$ млн. человек, при чем более половины этого количества приходится на долю коренных казаков. Характерные физические признаки казаков следующие: средний рост, сильно развитая грудь, смуглый цвет кожи, короткие с кривизной (главным образом у мужчин) ноги, форма головы с резко выраженной брахицефалией (короткоголовостью), черные жесткие волосы, скуластое лицо с широким носом и редкой растительностью.

Женщины-казачки большею частью невысокого роста, часто с правильными чертами лица, иногда хорошо сложены, и нередко красавицы.

Обычная одежда казаков: рубашка большей частью из бумажной материи, штаны из козлиной

или овечьей кожи, кожаные сапоги на одной подметке, без рантов и стелек, с деревянными каблуками, поверх рубашки халат из желтой или серой армячины. Подпоясываются мужчины ремнем с металлическими бляхами, на голове носят тубетейку, а поверх ее надевают конусообразную войлочную шляпу с загнутыми вверх полями. Зимой носят овчинные шубы, а вместо шляп малахан—овчинные крытые сукном конусообразные шапки с полями спереди загнутыми вверх, а сзади опущенными вниз.

Женская одежда мало отличается от мужской. Казачки носят те же простые халаты, надевая их летом по одному и по два, а зимой по несколько, руки любят украшать перстнями и браслетами, а грудь металлическими бляхами.

Главное богатство—скот, который кормит и одевает кочевника, это: курдючные овцы, верблюды, лошади, а у полуседлых и оседлых казаков также коровы. Основой питания казаков является молочная пища и только более состоятельные позволяют себе каждый день кушать мясо.

Исключительно кочевой образ жизни в настоящее время ведет меньшая часть казаков, большинство же перешло на полукочевой быт, т.-е. имеют определенные постоянные зимовки, делают на зиму запасы фуража, сеют хлеб и т. д.

Для зимовок обычно выбирается место, где можно заготовить необходимое количество сена для верблюдов и рогатого скота, топливо, обычно требующееся в подспорье к кизяку, и наконец, где имеется хорошая тебеневка для лошадей, баранов и коз, добывающих себе корм из-под снега. Конечно, все эти удобства редко соединяются вместе, и поэтому чаще казак строит свои зимовку там, где можно достать дрова и заготовить сено. Тебе-

няющий же скот, лошади, овцы и козы обычно выгоняются на нарочно невытравленные для этого в летнее время места. Материалом для постройки зимовки служит дерн, глина, камыш, тальник и бревна. Из дерева делаются стены, которые промазываются с внутренней и наружной стороны. Печка разделяет зимовку на две неравные части: в одной помещается семья и животные, требующие тепла, как-то: ягнята, телята, верблюжата и т. д., другая же половина «чистая» — для гостей. Пища варится в котле (казан), вмазанном в особую круглую, низенькую печь, которая ставится обычно в одном из углов. В этом же казане стирают белье. Вокруг входной двери идут плетни или земляные сооружения для помещения скота. Самое человеческое жилище скорее напоминает нору, в которую иногда приходится пролезать на коленях, постоянно стучаясь головою о потолок. Зимовку часто совершенно не видно снаружи и только выходящий дым, да лай собак указывают на ее существование. О санитарных и гигиенических условиях в таких зимовках можно судить по тому уже, что часто в помещении в 16—24 куб. метр. находится до 15 человек и несколько голов скота.

В таких условиях большинство казаков проводит долгие зимние месяцы. С наступлением первых оттепелей они оставляют зимовки, выючат свой скарб и вместе со стадами идут на летние кочевья, всегда для каждого рода юдни и те же, и всякий раз по одним и тем же строго намеченным путям. За лето им случается проделать иногда сотни километров. Выступление с зимовок считается праздничным днем. Отправляются обычно с восходом солнца. Парни и девушки одеваются в красочные праздничные платья, и садятся на лучших коней. Иногда выбирают самую красивую женщину и вру-

чают ей «знамя» — шест с привязанным к нему цветным платком. По прибытии на место остановки сейчас же начинается разгрузка выючных животных и установка юрт. Работа эта также, как и почти все работы по хозяйству, лежит на женщинах. Но подробнее об этом будет говориться ниже, а теперь несколько слов о юрте — типичнейшем, подвижном жилище казаков как кочевников, так и полуоседлых. Стены ее составляются из отдельных четырехугольных раздвижных решеток, сделанных из тальниковых планок. В результате получается круглый решетчатый остов юрты (кереге) с оставленным промежутком для двери. Остов юрты обертывается сначала камышевыми циновками, а затем покрывается кусками войлока, цвета и качества соответственно достатку владельца. Отверстие вверху юрты закрывается особым куском кошмы, которым регулируется доступ воздуха, и выход дыма. Хорошо сделанная юрта совершенно непроницаема для дождя и ветра. Размер юрты обычно от шести до десяти метров в диаметре и от $2\frac{1}{2}$ до $5\frac{1}{2}$ метров в высоту. Внутри юрты между дверью и ее серединой оставляется небольшое место для очага, где зимой поддерживается огонь, остальная же площадь пола за исключением небольшого куса перед дверью, где входящий в юрту оставляет свою обувь, застилается кошмами, циновками и коврами. При входе в юрту сразу бросаются в глаза нагроможденные вдоль стен подушки, матрацы, одеяла, сундуки, резные открытые ящики, служащие для помещения домашней утвари и маленьких детей и т. д. По стенам развешены сумки, покрывала, оружие сбруя, войлочные и кожаные ведра, сосуды для молока и т. п. Постелью обычно служит стеганое одеяло, а иногда и низкая деревянная кровать.

О приспособленности подобной юрты к условиям кочевой жизни говорит то, что на сборку ее требуется обычно не более часа, а на разборку и погрузку и того менее. Обычно 15-20 таких юрт, расположенных неподалеку друг от друга, составляют аул, жители которого принадлежат к ряду родственных между собою семейств. Таковы в кратких чертах условия внешнего окружения, в которых приходится жить и трудиться казачке...

2. Казачка до революции

Давая наиболее характерные черты бытового, семейного и общественного положения казакской женщины, мы должны указать, что в основном они могут быть отнесены к казачкам различных местностей, образа жизни и различных имущественных групп. В целом же они более всего характеризуют положение казачки из полукочевой малоимущей или среднего достатка семьи. Начнем с детства. Рождение девочки не радует родителей, так как каждая семья предпочитает иметь, прежде всего, мальчика, будущего работника, члена родовой общины и т. д., а мать часто даже не получает обычных при рождении ребенка подарков. Уход за новорожденным, или за новорожденной весьма несложен. Ребенка купают, завертывают в кошму, в заячью или жеребьячью шкуру и забинтовывают волосяной веревкой. Иногда практикуется ежедневное купание в соленой воде и натирание тела бараньим жиром. В люльку ребенка кладут на третий или на седьмой день. Собственно люлька, как таковая, употребляется преимущественно у оседлых казаков.

Для предохранения ребенка «от нечистой силы» колыбель обвешивается тряпочками, бумажками и т. п., играющими роль амулетов и талисманов. У кочевых племен люлькой служат ящики, в которых хранят также и домашнюю утварь. Об этих ящиках уже упоминалось при описании внутренней обстановки юрты. Во время перекочевков в них помещают детей и более старшего возраста. Любопытно обстоит дело с выбором имени для ребенка. Оно дается тотчас после рождения, или когда ребенок начинает ходить, имеет иногда случайный характер, будучи взято из окружающей природы, или из обстановки, сопутствующей рождению. Иногда именем служит, первое слово, услышанное после рождения ребенка. Дают также и чисто мусульманские имена. Примеры женских имен: Ай-Ханым, Ханым-Джан, Ани, Той-Бигя, Кымбаш и т. д. Мать заботится только о прокормлении ребенка, оставляя его часто без всякого присмотра. Следствием этого является весьма большая детская смертность и громадное количество несчастных случаев с детьми, когда, например, ребенок попадает в очаг, в казан и т. д. Рубашка, которая надевается на ребенка после рождения (если она вообще надевается), не снимается с него в течение сорока дней. По истечении этого срока, рубашку надевают на шею собаке, с расчетом, что собака ее съест и примет на себя все будущие болезни ребенка. Интересны средства, которыми по убеждению казаков, можно устранить дефекты детского организма на первых порах жизни ребенка. Так, например, если ребенок долго не ходит, к его правой ноге привязывают шнурок и, протянув его во всю длину, сразу обрезают ударом ножа. Если ребенок долго не говорит, то его кормят остатками от пищи и обкусанными кусками варе-

ного мяса. Если ребенок плохо спит, то, очевидно, потому, что его обнюхала собака. Тут без знахаря не обойтись. Знахарь-баксы начинает шептать различные заклинания, и в то же время подвергает малютку самым ужасным гимнастическим упражнениям, дергая его кверху то за руку, то за ногу, пока измученное дитя не заснет. Детей своих казачки кормят весьма долго, иногда до

Рис. 1. Казакская семья.

трехлетнего возраста и даже дальше, при чем в некоторых местностях первого ребенка мать сама не кормит, а отдает другой женщине.

В возрасте от 3 до 12 лет девочкам протыкают уши, раньше же это делают в том случае, если мать долго остается бездетной и перестает уже рассчитывать на увеличение семейства. Ребенком тогда особенно дорожат и верят, что подобная

операция хорошо повлияет на его здоровье. Если же мать имеет нового ребенка, то остальные дети, особенно девочки, растут часто в полном забросе и грязи. Причина последнего—скорей перегруженность казачки домашними делами, чем отсутствие у ней материнского чувства. К. Белиловский, например, в своей книге рассказывает, что, когда ему нужно было произвести вскрытие одного умершего ребенка, мать никак не позволяла это сделать. Убедившись, что все просьбы напрасны, она подскочила к похолодевшему малютке, схватила его и убежала в степь с воплем и возгласами: «не дам тебя потрошить, ягненок ты мой, не дам ни одного перышка сорвать с тебя, скворчик ты мой». «Когда я обошелся без вскрытия,—говорит К. Белиловский, то разъяренная тигрица, схватив мои руки осыпала их поцелуями». Говоря о детях казаков, нужно заметить, что они не отличаются особенной живостью и поворотливостью. В младшем возрасте девочки обычно играют вместе с мальчиками. Игры иногда схожи с играми наших детей. Например, «сокуртеке» (слепой козел) соответствует игре в жмурки; брь-калям—вроде горелок; бара-бота (верблюд и верблюдица), напоминает нашу игру в—«кошки-мышки», при чем роль мышки играет верблюдица. Существует также много оригинальных чисто-туземных игр, в которых черты быта казаков нашли яркое отражение. Такова, например, любимая у девочек игра в «перекочевку аула», при чем верблюдом служит обыкновенная овечья челюсть, на которую навьючивается различная «кладь». Есть у девочек-казачек и куклы, т.-е. деревянные или камышевые палочки, увешанные цветными тряпками и обязательно в белом головном уборе.

Когда девочка немного подрастет, то она начинает пользоваться большим вниманием со стороны родителей. К этому времени она начинает уже помогать в хозяйстве, собирать по утрам лошадиный и верблюжий навоз для топлива, нянчиться с детьми, держать овец при доении и т. д. Мать обучает ее разным ремеслам, учит прясть, ткать, шить, готовить пищу, делать узорчатые занавесы, вышивать. Вопрос об обучении девочек грамоте обычно даже и не поднимается, хотя раньше этому завидовать не приходилось, так как учителями были зачастую малограмотные, невежественные муллы из татар, а методы и результаты обучения не выдерживали никакой критики. Царское правительство о просвещении казаков заботилось мало, а если и заботилось, то предпринимаемые в этом направлении шаги приводили часто к весьма курьезным и далеко не утешительным результатам. Например, пресловутая история с открытием для казаков мужских и женских народных школ с интернатами, по две в уезде. Управителям каждой волости было предложено доставить для заполнения местной школы по два «питомца», при чем волость была обложена по 500 руб. на их содержание. В результате получилось следующее. Отдавать детей добровольно родители не хотели, приходилось их покупать за счет волости. Детей, вырванных из привычной для них обстановки и выросших на баранине, кумысе и вольном воздухе, запирали в комнаты, кормили супами и похлебками и допускали к ним их родителей чуть ли не один раз в неделю. Поэтому, несмотря на уход дети хирели, покрывались струпьями, паразитами и т. д. Совсем курьезно получилось с девочками. Дочь, которую родители растили для того, чтобы выдать замуж и полу-

чить калым, вдруг отбирали без калыма! Пришлось за девочек также платить баранами и лошадьми. Однажды, как-то, лошади, предназначенные в уплату за подобную ученицу, почему-то не попали к родителям. И вот мать бежит по городу (Акмолинску) со слезами и кричит, что начальство не отдает ей калым!

Что касается так называемых степных школ, то вот как их описывают. Из юрты, где помещается такая школа, несется адский крик. Каждый ученик выкрикивает свой урок. Мулла, вооруженный палкой, поджав под себя ноги, тоже кричит и исправно наказывает тех, кто перестает кричать. Такое преподавание продолжается около трех лет и дети остаются такими же невеждами, что и раньше.

Жизнь девушки-казачки до брака, счастливейшая пора ее жизни. Но, к сожалению, счастье это продолжается весьма недолго, так как инюгда ребенком ее уже выдают замуж. В народной казакской песне так охарактеризовано это лучшее время жизни женщины-казачки.

«Ни о чем не заботится девица в молодости,
Живет и резвится в доме родителей.

Для родителей она так же мила, как и сын...

Лелея воспитывают дочку родители...

Некоторые девицы живут даже лучше сыновей...»

При безусловно очень тяжелой работе, которая ложится на казакскую женщину вообще, и на девушку в частности, для последней все же выпадает время и повеселиться. Например, весной при перекочевках аула, по картинному юписанию Белиловского, «девушки в пестрой нарядной одежде, алых шапочках, опущенных сободем или ку-

ницей, на чистеньких лошадаках вихрем несутся и скачут с одного зеленого холма на другой, точно огненные палы, пущенные ранней весной, бегают по суходолам. Отставая версты на две от своих они пускают вскач своих коней, стремясь перегнать одна другую и высказывают неустрашимость при перепрыгивании через арки и стволы деревьев».

Много веселья бывает и во время свадебных пиров, когда девушки и джигиты состязаются между собой в искусстве стихотворных импровизаций (айтысу). Иногда молодежь задает друг другу загадки и отгадывающие должны показать свою находчивость и остроумие.

Иногда в таких песнях-дуэтах девушка говорит о преимуществах своего пола и жалуется на мужчин. Молодые люди отвечая оправдываются, восхваляют свои качества и описывают прелести любви. Уже упоминавшийся Белиловский, присутствовавший на таких поэтических состязаниях, говорит: «он всегда любовался на вдохновенных поэткачек с чудными глазами, полными огня, приводивших в восторг толпу своим пением, метафорами и остроумными загадками».

Большая возможность предоставляется девушке-казачке показать свою удаль и отвагу на праздничных состязаниях и играх. Интересна в этом отношении игра кыз-бёры—девка-волк. Состоит эта игра в следующем. Девушка выбирает себе из отцовского табуна лучшего скакуна и выезжает на открытое место. За ней выстраивается в ряд на конях группа джигитов. По данному сигналу скачка начинается. Девушка должна доскакать до заранее определенного места, джигиты должны помешать ей в этом. Если им это удастся, то наезднице приходится испытать на себе це-

лый ряд бесцеремонных ласк, одежда ее летит ключьями, ее тянут с лошади, целуют, обнимают, пока она не запросит пощады. Но если девушке удалось доскакать до намеченного пункта, то она из преследуемой обращается в преследующую и имеет право стегать своей нагайкой всех, кто не успеет от нее увернуться. Некоторым молодцам попадает при этом изрядно.

Другой вариант этой игры разнится от первого тем, что преследует девушку один джигит, с заданием поцеловать ее прежде, чем та успеет доскакать до условленного места. В остальном игра развивается так же.

Нельзя не остановиться еще на одном обычае, связанном с жизнью девушки-казачки. Это обычай гостеприимного гетеризма, т.-е. свободного полового общения, основанного на гостеприимстве. Теперь обычай этот в значительной мере относится уже к прошлому и существует разве в наиболее удаленных от центра местах. Обычай гостеприимства среди восточных народов общеизвестен. Согласно адата (обычного права) казак, не принявший гостя, должен платить штраф в пользу обиженного. Насколько широко было распространено у казаков гостеприимство можно судить по рассказу об одном чуде, который насильно возвращал проехавшего по аулу путника и, предварительно отстегав гостя нагайкой, заставлял его съесть барана, выпить соответствующее количество кумыса и при этом говорил: «негодяй! зачем ты не зашел ко мне, за кого ты меня считаешь, за неверного, за бедняка, у которого не найдется ничего для такого ничтожества, как ты!».

Хотя, как было сказано, обычай гостеприимства теперь уже не практикуется так широко, но что касается гостеприимного гетеризма, то по имею-

щимся сведениям, он еще не так давно наблюдался, например, в теперешней Актюбинской губернии.

Дело в том, что большинство кочевых казаков живет в одной только юрте, которая служит спальней, кухней, столовой и гостиной для всей семьи. По приезде гостя юрта разделяется занавесами на несколько частей. У бедных казаков и этого не делается и гостю приходится иногда спать в нескольких шагах от дочери хозяина, с которой, согласно обычая, он может разделить ложе. Обычай этот заведен давно, его все знают и довольно легко с ним мирятся. Нет сомнения, что многое здесь зависит от возраста и наружности гостя, но тем не менее, если молодой гость не «потревожит» девушки, то впоследствии он рискует получить по своему адресу не мало язвительных насмешек за свое целомудренное поведение. Об отношении казаков к этому обычаю достаточно говорит казацкая поговорка: Кто не пьет кумыса? Кто не знается с девушками?

Если на сохранение девицами непорочности до замужества смотрится сравнительно легко, особенно в последнее время, то беременность девушки стараются изжить в самом же начале всеми имеющимися в распоряжении у местных бабок средствами. При чем весьма помогает, как говорят, сильнее испугать беременную. В одной из газет за прошлые годы рассказывался случай, когда догадливая бабка, забравшись на крышу юрты ночью, вылила на спящую девушку через шангарак ведро холодной воды. Средство оказалось настолько сильным, что на утро «пациентка» скончалась.

Эти факты, взятые из дореволюционного времени, свидетельствуют о непроглядной темноте, в которой живет женщина-казачка. Между прочим, весьма грустный факт прошлого, что те капли

медицинской помощи, которыми пользовалась казачка-женщина, те немногие врачи, которые посылались туда, оказывались часто не на высоте своего положения. «Я лечил в Петропавловске,—пишет уже известный нам Белиловский,—дочь одного казака, ее красота каждый раз вызывала конфликт и смятение в моих терапевтических мыслях, к ее же великому несчастью, иначе она может быть и не умерла бы!».

Пора девичества для девушки-казачки кончается очень скоро. Тринадцати-пятнадцати лет ее уже обычно выдают замуж. Но из этого правила бывают исключения и очень часто в сторону меньшего количества лет. Последнее относится преимущественно к девушкам из бедных семей, когда при срочной нужде в деньгах, продают десяти и двенадцатилетнюю дочь, иногда семидесятилетнему баю—ростовщику. Казачке часто не суждено бывает знать, кто и каков будет ее муж. Более того, порой она становится невестой еще до своего рождения. Получается это очень просто. Два казака, проникнутые взаимной дружбой, и желая закрепить последнюю родственными связями, сватают своих детей еще не родившихся на свет. Если случайно жены их разрешаются младенцами разного пола, то отец дочери устраивает у себя той (пир) и объявляет формально о помолвке новорожденных. Мало того. Согласно адата, женщина вышедшая замуж (непременно из чужого рода) переходит в собственность рода мужа и, ставши вдовой, достается брату покойного; если старший по возрасту брат отказывается, то ее берет следующий брат по старшинству и т. д. Конечно, далеко не все женщины безропотно мирились со своей участью и многие старались всеми средствами отделаться от нелюбимого мужа. Но для

развода нужны определенные условия: безвестное отсутствие мужа в течение семи лет, неспособность его к брачному сожителству, отказ в содержании жене в течение шести месяцев и тринадцати дней... Чаше, требуя развода, жены ссылались на вторую из перечисленных причин, но редко с успехом, так как судьи устраивали мужьям соответствующие испытания. Положение несчастных женщин становилось совершенно отчаянным и часто приводило к весьма печальным результатам. Вот, например, история, рассказанная на страницах газеты «Оренбургский край» за довоенные годы. Один молодой казак был сговорен с девушкой из Туглукского аула. Калым был весь уплачен и назначен уже день свадьбы, как вдруг жених внезапно скончался. Тогда явился брат жениха и потребовал девушку к себе. Та наотрез отказалась. Отец стал гнать из дома непокорную дочь, которая вынуждена была взять верблюда и имущество и уйти из отцовской юрты. Когда аул трогался с места, девушка шла со всеми, и при остановке становила юрту недалеко от других. Аульные старухи, желая во что бы то ни стало вернуть бунтарку на путь истины, каждый вечер приходили к ней, издевались над ней, били ее и царапали ей лицо. Наконец, претендующий на звание мужа, однажды, ночью, явился со своими товарищами и пытался взять девушку силой. Несчастная отчаянно сопротивлялась и так крепко ухватилась за косяк, что только, отрубив ей пальцы, удалось сдвинуть ее с места. Когда ее выволокли, она была вся в крови, одежда была вся изорвана, но она все еще боролась. Тогда новый жених вскочил на лошадь, схватил девушку за волосы и волочил ее за собой, пока не выдернул все волосы с корнем и ускакал, оставив

ее на земле нагую и полумертвую. Нет никакого сомнения в том, что истории, подобные только что приведенной, не один раз повторялись в казакской степи!

Затем ранний брак! Он самым губительным образом отражается на еще детском организме, не подготовленном ко всем тягостям супружеской жизни. Как неизбежное следствие этого—слабость потомства, бесплодие, преждевременное увядание и т. д. В двадцать пять лет казачка часто выглядит старухой... О предстоящем браке девушка-казачка думает как о чем-то ужасном, сердце ее сжимается от тяжелых предчувствий. В уже цитированный казакской песне поется:

«Но вот просватают девицу и получают скот
в калым,

Затем приблизится срок венчания и каждый день
станет ездить жених...

Родители тем временем готовят приданое, чтобы
порадовать свою голубушку.

А ни о чем не думавшая девушка со всеми
прощается...

Много у нее печальных дум».

Но возвратимся к нашим двум казакам, решившим связать брачными узами своих детей. После помолвки, отец жениха посылает к тестю сватов, чтобы условиться о размере калыма. Калым, как уже говорилось, уплачивается различным скотом, число голов которого колеблется от 17 до 57 или иногда от 9 до 47 штук, и состоит из нескольких частей: бас жаксы (главная, самая ценная часть), кара-мал (собственно калым); илю—плата жениха за первое посещение им невесты и туймал—все потребное для свадебного пира.

Кроме вопроса о размере калыма в первый приезд сватов решается также вопрос о многочисленных мелких подарках, обычно полагающихся ближайшим родственникам невесты, например, матери за молоко и т. д., после чего, в доме отца невесты устраивается пир, сопровождающийся играми и состязаниями. В этот же вечер обычно происходит игра женщин со сватами, называемая «тартыс», т.е. теревить сватов. Сватов окружают, заставляют петь песни и задают различные вопросы иногда совершенно неприлично-бесцеремонного свойства. За неудачный ответ сваты подвергаются наказанию: их раздевают до нага и ставят посреди юрты, мажут тестом, сажей, одевают на голову женский головной убор, сажают верхом на быка лицом к хвосту и привязав в таком виде пускают в степь, подвешивают за ноги к шангараку и, наконец, самое «страшное наказание» — заставляют целовать слепую, курносую и вообще уродливую женщину. Согласно обычая в этот вечер женщинам разрешается шалить со сватами, как им угодно, и женская изобретательность в этих случаях не знает границ. Бывали случаи, что женщины «заигрывали» сватов до смерти. Хотя у сватов есть возможность откупиться и тем избежать женских шуток, но бывали случаи, когда они теряли всякое терпение, отказывались от своих обязанностей и, как следует выругавшись, уезжали домой. На другой день сватовства сватов обычно навещает отец невесты вместе со своими родственниками, и привозит им «киит», т.е. подарки отцу жениха, предназначавшиеся на хозяйство будущим новобрачным. Стоимость «киита» обычно соразмеряется с стоимостью калыма. После этого сваты возвращаются в аул отца жениха.

Спустя некоторое время после их возвращения отец жениха приглашает сватов со стороны неве-

сты. Со сватами иногда приезжает и сам отец невесты, так как в этот раз он уже может получить часть калыма. В этот приезд также устраивается пиршество, игры и состязания, но в меньших размерах, чем у отца невесты, и приездом этим обычно заканчивается первая стадия свадебных церемоний. Отцы будущих супругов раз'езжаются и ждут совершеннолетия жениха или невесты или их обоих—время, когда жених может в первый раз навестить невесту. Обычно он везет при этом с собой часть калыма и достаточный подарочный фонд. В аул невесты жених приходит только после заката солнца в сумерки, так как являться днем считается неприличным и, кроме того, согласно обычая, жениху полагается стыдиться своего нового звания. В юрте отца невесты готовится постель для сговоренных, на которую садится невеста и ожидает жениха. Жених является в сопровождении женщин, но, прежде чем войти к невесте, он должен преодолеть целый ряд «препятствий». На пороге его платье хватает зубами одна из находящихся тут старух и освобождает его, только получив соответствующий подарок. Другой подарок жених должен дать, чтобы перешагнуть через «мертвое тело», которое изображает другая старуха и т. д. Та же история продолжается, когда жених уже вошел к невесте за занавеску. В последующие разы ночные визиты жениха к невесте совершаются уже без особых церемоний.

Первый приезд жениха к невесте продолжается обычно всего несколько дней, так как оставаться жениху долго считается неприличным. Во второй раз, опять-таки, чтобы соблюсти приличие, жених приезжает к невесте не ранее, чем через полгода. На этот раз он привозит обычно часть калыма, и

различные подарки и может гостить у невесты уже неограниченное время. Так же, как и в первый приезд, ночи жених проводит с невестой, но, так же, как и в первый раз, он не должен сближаться с ней физически. Если же в результате пребывания жениха невеста окажется беременной, то плод или вытравляют домашними средствами или венчают молодых до уплаты остальной части калыма. В случае, если невеста умрет до свадьбы, или откажется от жениха, или, наконец, выйдет замуж за другого, то родители обязаны или выдать свою другую, никем не просватанную дочь, или, если таковой нет, вернуть обратно калым. Если же жених умрет до свадьбы или откажется от невесты, то последняя, будучи уже принадлежностью его рода, согласно адата должна выйти за брата жениха или за его ближайшего родственника и т. д.

Третий приезд жениха обычно бывает и последним. Жених привозит оставшуюся часть калыма: белые кошмы для юрты, лошадей, куски материи, жеребят, баранов и т. п. К невесте из соседних аулов собираются ее подруги и родственницы, помогают ей готовить приданое и живут до отъезда молодых.

В приданое невесты обычно входят: праздничный головной убор—«саукеле», юрта из белых (более ценных) кошм, постель, лошадь с женским седлом, ковры, халаты, верблюды. В день отъезда невеста прощается со своими родственниками и подругами. Собравшийся народ угощается обедом, а потом к вечеру остаются только парни, девушки и молодые женщины (килинчик) и поют подходящие к данному моменту прощальные песни.

По приезде к мужу, в первые дни пребывания, молодая в доказательство своей расторопности должна вставать рано утром и открывать верхи у

юрт своих новых родственников. Из обычаев, связанных с пребыванием молодой в семье мужа, любопытен один, запрещающий ей называть свекра и родственников мужа по имени. По этому поводу Вамбери приводит анекдот, впоследствии повторяемый многими авторами, писавшими о быте киргиз-кайсаков. Один казак имел пять сыновей, имена которых были: коль (озеро), камыс (камыш), каскыр (волк), кой (баран) и пшак (нож). Невеста этого казака увидела однажды, что волк, выхватив барана из стада, потащил его к озеру в камыши. Она прибежала в аул и стала кричать: там вблизи блестящего с шумящим пожирает хищник блеющего, берите с режущим.

Положение замужней женщины казачки так изображается в народной киргизской песне:

«Родители, когда дома жила девицей, не будили ее рано.

А теперь в замужестве, не выспавшись достаточно,

встает до зари она... И много будет толков, если

она не откроет тундук и не разведет огня...

Надевши передник идет она рано делать кизяк,

доить скот, таскать воду и не видит отдыха до

поздней ночи. Скучает о родителях и о родине, как сокол,

попавшийся в сети, и льет слезы из глаз в уединении в степном просторе».

Действительно, вся хозяйственная работа лежит на женщинах. Женщины должны разбирать и выючить юрты, вновь ставить их, готовить кушанье,

кормить детей, доить скот и смотреть за ним, обшивать семью, собирать и готовить топливо, что

Рис. 2. Казачки в степи за работой.

особенно трудно зимой, валять кошмы и войлок, ткать и т. д. Кошмы и войлок необходимейшая

часть домашнего хозяйства казаков. Приготавливаются они большею частью из летней шерсти с новорожденных ягнят. Шерсть раскладывают на полу и несколько женщин, вооружившись каждая двумя тонкими прутьями, бьют ее изо всех сил. Затем шерсть расстилают на соломенной циновке, поливают горячей водой и свертывают вместе с циновкой. Получившийся в виде продолговатого цилиндра сверток выносят на двор и катают по степи взад и вперед. В результате такого катанья, шерсть настолько спрессовывается, что вынутая из циновки она представляет собой почти уже готовый войлок, нуждающийся лишь в некоторой добавочной обработке отделочного характера. Если хотят сделать кошму с рисунками, то на уже более или менее спрессованную шерсть, с лицевой стороны раскладывают в виде узора кусочки из окрашенной в различные цвета шерсти, после чего поливают горячей водой, закатывают в циновку и катают по степи. Ткут казачки или на дощечках, или на ткацких станках довольно примитивного устройства. Шерсть для тканья сначала треплют, затем прядут от руки и полученные нитки кипятят в соленой воде. Для приготовления армячины, нитки наматывают на четыре больших клубка, дающих около 10—13 женских маховых сажен армячины в поларшина шириною. Цвет и качество армячины зависят от того, с молодых или старых верблюдов берется шерсть для пряжи. Из армячины делают халаты.

Для домашнего хозяйства казаков бывает также необходима тесьма широкая (4—8 вершков) и узкая от 3 до 1½ вершков. Делается она из овечьей или верблюжьей шерсти, иногда с прибавлением конского волоса. Из шерсти же делаются веревки

(аркан) и шкуры (жиек). Последние употребляются для обшивки краев кошм.

Такова работа женщины-казачки. Мужчина же отыскивает место для летовок, пасет лошадей на отгонных табунах, да иногда помогает поддерживать шангарак при постановке юрты. Все остальное время проводится на «гулянках» в степи. Зачастую жена не имеет даже права есть вместе с мужем и довольствуется об'едками от обеда. В отчете Казакстанской экспедиции Академии Наук за 1926 г. определенно указывается, что «в развитии болезней среди женщин особенное значение имеет неравномерное распределение труда между женщиной и мужчиной. Масса тяжелой физической работы падает на долю женщины. Работа эта выполняется и во время беременности. Женщина часто освобождается от работы только на несколько часов для рождения ребенка».

Следует заметить, что деторождение—это вторая неперенная функция женщины-казачки, наряду с работами по домашнему хозяйству. Неспособность к деторождению считается у казаков большим бесчестием. На бесплодных женщин смотрят с презрением и отвращением. Ясно поэтому, что в своем стремлении избавиться от позора, и не имея при том никакого представления о настоящей медицинской помощи, женщины-казачки прибегают к своим местным средствам, к чудодейственной, по их мнению, силе некоторых вещей, предметов и т. п. Так, например, чтобы наверное избавиться от бесплодия, нужно пойти на могилу знатного человека, остаться там до утра и разводить огонь в честь умершего. Утром, оторвав от своего головного платка небольшой кусок, повесить его на дереве близ могилы или же прикрепить к колу над могилой. «Полезно» также надеть на шею со-

бачье ухо и носить его несколько дней. Нужно считать большим счастьем для казачки, что ее организм здоров и закален, и в большинстве случаев роды проходят легко. Но если роды трудные, то несчастную женщину подвергают таким пыткам, какие нашим роженицам и во сне не видеть. Дело обычно начинается с того, что повитуха, встав позади роженицы, упирается в ее поясницу коленом, надавливая ей одновременно руками живот сверху вниз. Если ничего не выходит, повитуха незаметно для рожаящей делает знак присутствующим, а те что-то незаметно передают стоящей на улице толпе. Вдруг, неожиданно, в юрту врывается незнакомый, заранее приготовленный, мужчина, а находящаяся в юрте и на улице толпа поднимает страшный гвалт и крик. Вид мужчины и испуг иногда производят надлежащее действие. Иногда «испуг» делается по другому. В период родовых мук, при абсолютной тишине, вдруг за спиной больной стреляют. Тоже недурной прием, иногда благополучно отражающийся на исходе родов, но всегда губительно—на психике роженицы. Но бывает так, что и это средство не действует. Тогда протягивают через юрту веревку, велят роженице держаться за веревку руками, подхватывают больную под мышки и приподнимают к отверстию в крыше юрты. Если это не помогает, то больную обхватывает сзади мужчина и изо всех сил давит ей живот, этого мужчину обхватывает другой, второго—третий, и все они тянут друг друга изо всех сил, а несчастная в это время болтается в воздухе, употребляя невероятные усилия, чтобы удержаться руками за веревку. Если же с больной случается припадок, то присутствие в ней шайтана—албасть становится вне всяких сомнений. Здесь может помочь только баксы, этот степной шарлатан, в ча-

родейскую силу которого до сих пор еще сохранилась вера у отсталого казачьего народа. Одна наружность баксы, лохматого, всклокоченного, одетого в лохмотья, увешанного побрякушками, амулетами, талисманами уже действует на воображение. Приведенные баксы, иногда приглашают сразу двоих, становятся на колени около разведенного среди юрты огня и, покачивая головами, начинают наигрывать различные мелодии на своих дудках-кобызах, время от времени потряхивая ими, отчето металлические привески на них дребезжат и позванивают. Затем баксы начинают петь—импровизировать. Поют они о каскыре (волк), об аю (медведь), о коль (озеро), о степи с березовыми рощами, о горах, о беркуте. Поют все тише и тише, наконец, затихают, но только на мгновение. Вдруг они вскакивают со сверкающими глазами, с искаженными лицами, мечутся, кружатся вокруг больной и юрты, приходя в настоящее иступление, кувыркаются, падают, подпрыгивают, хватают и рвут зубами все, что им попадает под руки, бросаются друг на друга, грызутся, кусаются, кивают друг в друга головами, наконец, падают в изнеможении, и этим церемония кончается. Но не кончаются пытки женщины. Иногда даже и после благополучных родов, бывает необходимо подвести к роженице лошадь со светлыми глазами, или принести филина, или посадить на родильницу беркута, или напоить ее сорочьим жиром и т. д., и т. д., словом нет конца магическим средствам, рекомендуемым этой степной шарлатанской медициной. Но если вдуматься поглубже, то тут целая трагедия, малого, малокультурного народа, трагедия, которая к сожалению, далеко не изжита до сих пор.

Говоря о сторонах быта, непосредственно касающихся женщин, нельзя пройти мимо обрядов и обычаев, связанных со смертью и похоронами. Вдова должна оплакивать своего умершего мужа, ежедневно с восходом солнца, накрывшись черным покрывалом и обратив лицо к решеткам юрты, или в сторону Каабы, или, наконец, перед куклой, одетой в платье покойного, и при этом в знак скорби царапать себе лицо. Часто она находит себе сочувствующих среди своих родственниц и соседей, и унылое пение женщин продолжается часа три-четыре ежедневно. В причитаниях обычно говорится о покойнике, его доблестях, о несчастье, постигшем семью с его смертью и т. д. Даже во время перекочевков женщина должна исполнять этот обычай, сидя на верблюде. Такое оплакивание продолжается целый год, целый год на юрте покойника висит белый флаг. По истечении года устраиваются поминки «аш», скорей напоминающие веселый пир, чем печальную церемонию. Собирается много гостей, для которых готовится соответствующее количество угощений. «Аш» продолжается семь дней. Каждый день устраиваются игры, состязания, скачки, а на седьмой день «аш» оканчивается грандиозной скачкой «байгой» с огромными призами и при участии лучших скакунов и наездников. Так отмечается смерть мужчины. Смерть женщины, если отмечается, то очень скромно; никто ее не оплакивает, знак смерти (черный флаг) вывешивается далеко не всегда, не бывает пышных поминок, и только палка, торчащая на могильном холме, свидетельствует о том, что тут похоронена казачка.

Если взглянуть на жизнь казачки в целом, можно признать пожалуй, что по сравнению с некоторыми другими женщинами восточных народов,

она имеет некоторые преимущества. В частности же, много зависит от имущественного и семейного положения. По мусульманскому закону мужчина может иметь до четырех законных жен. Казаки этим правом пользуются редко, так как подобная роскошь часто не по средствам. Байбиче—первая жена считается главной, является настоящей хозяйкой дома и, конечно, положение ее значительно лучше положения остальных жен—«токал», которые должны подчиняться байбаче и уважать ее. Но как бы то ни было казачка у себя в доме пользуется полной свободой, от нее зависит зачастую благосостояние хозяйства; она принимает активное участие в домашних и аульных празднествах и, наконец, мнение ее по вопросам общественных нужд имеет значение на аульных сходах и совещаниях. Все это, конечно, отрадно, но эти немногие положительные факты затемняются исключительно мрачными сторонами быта, благодаря которым на женщину установился взгляд, как на товар, как на вещь, могущую быть купленной, проданной, переданной по наследству и т. д. К этому надо прибавить общую темноту и невежество, в которых живет казакский народ, при весьма медленном проникновении и совершенной недостаточности культурной и медицинской помощи.

3. Казачка при советской власти

Для советской власти, провозгласившей борьбу за освобождение и полное равноправие женщины, выпала необычайно трудная и вместе с тем ответственная задача; на целине тысячелетнего ада та взрастить свежие молодые побеги цивилизации и культуры. Необходимо было подготовить эту

целину так, чтобы новые побеги принялись и получили возможность развиваться. Колоссальных трудов стоило вербовать себе сторонников из женщин-казачек, прививая им новые идеи, идущие вразрез с вековыми обычаями и бытом. Туземными пионерками в деле освобождения казакской женщины приходилось часто работать тайно от своих мужей и родственников, под угрозой общественного призрения, наказаний и пыток. Этими трудностями в значительной степени объясняется, что на Всеказацком Съезде Советов (март—апрель 1927 г.) говорились к сожалению не совсем утешительные вещи о настоящем положении женщины-казачки. Совершенно открыто говорилось о том, что в казакском ауле не все обстоит благополучно: что качество аульных школ не выдерживает критики, что школьные здания не приспособлены, что школы не обеспечены материалью, учебными пособиями, мебелью и т. д., что качественная постановка работы из рук вон плоха, что до сих пор 86% казакских волостей не охвачены никакой лечебной сетью, не пользуются никакой лечебной помощью, и т. д. Делегаты с мест говорили о поголовной безграмотности женщин, о слабом вовлечении женщин в общественную работу, о том, что борьба с калымом фактически только на бумаге, и в аулах он попрежнему разворачивается, что на врачебных пунктах нет фельдшеров, нет акушеров, что врачи не едут далеко, из-за боязни разбить посуду. Указывалось на то, что среди грачей и агрономов замечается стремление к бегству из Казакстана. Приводились примеры лишь формального существования многих школ. Указывалось на слабость социального состава школ: «вместо широких бедняцких масс в школах обучаются часто двое-трое детей местных кулаков и баев».

Охрана материнства и младенчества проводится слабо. В колоссальных размерах распространены туберкулез и венерические болезни. В аулах продолжается варварское обращение с женщинами-роженицами, доходящее до избиений и т. п. И много еще чего говорили. И хорошо делали, что говорили. Одно то, что все недостатки эти выносятся на общественный суд и осуждение перед собравшимися представителями из самых отдаленных уголков огромной области, уже должно не мало способствовать подрыву вековых устоев препятствующих борьбе с темными сторонами в общественной жизни женщины-казачки. С другой стороны, учитывая необычайные трудности этой борьбы, нужно с удовлетворением отметить как то, что дело этой борьбы поставлено на прочные верные рельсы, так и несомненные достижения и победы, которые уже одержаны на культурном фронте Казакстана. Задачи по раскрепощению женщины определены первым Съездом Советов Киргесублики в 1920 г., в следующих ясных и точных словах: «исходя из того, что общество не может считать себя освобожденным, пока женщина остается поработанной, киргизскую женщину, доньше рабу в общественной и семейной жизни и в то же время безропотную работницу в хозяйстве, считать отныне равноправным членом общества, с распространением на нее без изъятия политических и гражданских прав, являющихся завоеванием и достижением всей массы трудящихся».

После этого прошло целых четыре года, прежде чем революционные действия по освобождению женщины были облечены в правовую форму. На 2-й сессии ВЦИК XI созыва 16/X—1924 было принято дополнение к уголовному кодексу РСФСР,

по которому уплата и принятие калыма квалифицируется как уголовное преступление, и карается лишением свободы, или принудительными работами на срок до одного года. Такие, казалось бы, медлительные действия советской власти объясняются тем, что сразу, без предварительной подготовки, официально отменять веками сложившийся обычай, было бы в высшей степени неосторожным шагом. Пришлось и необходимо было считаться со всеми тысячелетними предрассудками и традициями, с религиозным фанатизмом и уродливыми обычаями. Акт этот был совершен тогда, когда широкие массы женщин Казакстана были подготовлены и убедились в безусловной его необходимости, когда в народные суды и бюро юридической помощи при мусульманских клубах стали поступать сотни и тысячи заявлений от угнетенных женщин Востока с протестом по поводу того, что их оценивают как товар, как вещь, как скот подлежащий продаже и купле. Вместе с изданием этого акта сессия поручила Президиуму ВЦИК выработать обращение к трудовому населению автономных советских республик и автономных областей о необходимости всемерной борьбы со всеми проявлениями закрепощения женщины и необходимости широкого вовлечения женщин в советское строительство.

С упразднением калыма женщина-казачка освободилась от экономической зависимости и от общественно-правового гнета. Она получила возможность устраивать жизнь согласно своей воле и желаниям и стать активным равноправным членом общества. Если мы должны признать, что абсолютно положение казачки улучшилось сравнительно мало, то, сравнивая ее настоящее положение с дореволюционным временем, мы получили результаты все

же утешительные. Возьмем, например, участие казачек в партийной и общественной жизни Казахстана. В 1927 г. в казахстанской парторганизации числилось 2.337 казачек (около 20% всего состава организации). В союзе Кошчи—704 казачки. В женотделах в 1925 г. работало 50 казачек, было проведено 445 собраний делегатов, и состоялось 356 различных женских конференций, через которые прошли 11.774 казачки. Женских курсов по ликвидации неграмотности было 133. Теперь число их, конечно, возросло. В 1924/25 г. 3.192 женщины-казачки прошли в советы. О вовлечении казачек в профсоюзную работу можно судить по количеству их в профессиональных союзах на 1927 г. (1.102 ч.). Втягивается казачка также и в кооперативные организации, рост которых в Казахстане особенно усилился за последние годы. Большое значение имеют здесь сельскохозяйственные кооперативы, число которых к концу 1925 г. достигало 1 576 с 123.974 кооперированных хозяйств.

Приведенные цифры, если вдуматься в них, конечно, малы и относительно и абсолютно. До сих пор еще культурно-просветительная волна не дошла до широкого аула, не захлестнула его, не очистила от старых пережитков и укоренившихся уродливых обычаев. Развивающуюся в этом направлении работу в центрах, нужно возможно шире, возможно глубже продвинуть в степь, в аул, нужно охватить ею возможно широкие массы трудового казахского населения. В этом отношении большую роль должны и могут сыграть комсомольско-пионерские организации, в которых участие девушек казачек еще довольно незначительно. Надлежаще подготовленный молодежь легче сможет отказаться от пережитков прошлого, скорее воспримет новые идеи и рассеянный ячейками по

всей области понесёт гибель позорному наследию царского режима, гибель пережиткам родового строя, и расшатает и свалит вековые устои обычного права. Мне случайно пришлось встретиться летом 1927 г. с одной из представительниц этой многообещающей молодой гвардии Советского Востока. Ее судьба вначале не отличалась от участи сотен тысяч казакских девушек. Едва достигнув 17-летнего возраста, она, по настоянию родителей, принуждена была выйти замуж за нелюбимого человека. Но, будучи от природы решительной и свободолюбивой, она не смогла примириться со своей жизнью и пошла туда, откуда дул свежий ветер. Тайком от своих родственников она начала работать в местной комсомольской организации, посещала кружки и, наконец, сама, «нелегально» в полном смысле этого слова, вела занятия с мусульманскими девушками. Получив возможность поступить в педтехникум, она пошла на открытый разрыв с мужем и родителями. И вот теперь она по праву может гордиться и смело смотреть в будущее. Она самостоятельна, содержит и учит свою сестру, помогает родителям, которые не так уже сердятся на свою самовольную дочь. Она вполне осознала свою свободу, прочувствовала весь ужас прошлого, и единственная ее мечта, ее желание—просветительная работа среди казакских женщин. «Я очень любила Ленин»,—говорит она, коверкая русский язык, и все ее существо, ее полная огня речь, ее глубокие, черные, блестящие глаза, ее пылающие румянцем щеки, кажутся мне одним зовущим, трепещущим знаменем открывшейся новой жизни. Попробуйте у такой женщины отнять завоеванную ею свободу!

Касаясь вовлечения в производство казакских женщин, приходится отметить и нежелательные яв-

ления, как, например, имевшее место вытеснение казачек русскими женщинами на мойках и рыбных промыслах. На это, между прочим, было обращено внимание Казсовпрофом, который в своем директивном письме указал, что: «союзы должны проявлять особую заботу в деле внедрения в производство женщин казачек с одновременным вовлечением их в союзные ряды, особенно в текстильной промышленности и рыбных промыслах». Письмо заканчивается указанием на необходимость «обратить особое внимание и проявить больше чуткости в деле приобщения к юбщей союзной работе и вовлечения в активную работу женщин казачек.

Коснемся теперь мероприятий советского правительства в области народного просвещения и здравоохранения. Они, конечно, переросли в несколько раздвоенный уровень. Развитие работы по поднятию культурного уровня среди населения Казакстана характеризуется следующими цифрами: в 1923/24 г. было отпущено 4.280.000 руб.; в 1924/25—7.500.000 руб.; в 1925/26 г.—9.200.000 р. Казакских школ в 1922/23 г. было 823; в 1924/25 г.—1.003; в 1925/26—1.474. Число казакских школ первой ступени за последние два года увеличилось на 79%, хотя охват казакских детей школами 1-й ступени сравнительно еще незначителен, всего—13,7%. Число первоначальных школ и учащихся сравнительно с довоенным временем выражается в следующих цифрах:

В 1914 г.	—школ I-й ступ.	—1727	с	87.329	учащ.
„ 1927	—	»	»	—3515	с 206.949 »

Повышенного типа

« 1913	»	»	»	50	с	8.398	»
« 1927	»	»	»	166	с	30.293	»

Кроме того, в Казакстане имеется 18 школ крестьянской молодежи с 780 учащимися, из которых 198 казаков.

В области здравоохранения и охраны материнства и младенчества, в сравнении с довоенным временем, также достигнуты значительные успехи. Лечебная помощь начинает проникать в такие места и районы, которые никогда еще не видели врачей. К началу 1927 г. по Казакстану числилось 39 яслей и красных юрт. В 1925/26 г. через показательные консультации прошло 34.761 детей и 8.000 беременных женщин. Из молочных кухонь при консультациях было выдано 198 тыс. молочных порций. Акушеров в Казакстане на 1 января 1927 г. было 198, цифра, конечно, совершенно неудовлетворительная. Следует отметить участие женщин-казачек в судебных учреждениях. В 1927 г. было 3 помощника прокурора; 2 члена суда; 44 нарзаседателей губернских с'ездов и 1.024 нарзаседателей народных судов. Из последних мероприятий советской власти по улучшению положения женщин-казачек следует упомянуть создание при КазЦИК'е и губернских (областных) и уездных (окружных) исполкомах, комиссий по улучшению труда и быта трудящихся женщин Казакстана. В задачу этих комиссий входит: 1) изучение труда женщин в домашнем быту и кустарном производстве, 2) изучение методов вовлечения женщин коренного населения в производственную и промышленную жизнь Республики и поднятие квалификации их труда, 3) борьба с нищетой и безработицей при помощи организации различного рода профтехнических школ, мастерских, повышающих квалификацию женского труда, и трудовых коллективов через соответствующие советские и хозяйственные органы, 4) улучшение производитель-

ности труда в домашнем хозяйстве и кустарном производстве путем усовершенствования орудий и средств производства; 5) организация артелей и трудовых коллективов, сосредоточивая их при кооперативных, хозяйственных и НКТ—органах; 6) создание новых и улучшение постановки в существующих учреждениях матмлада и наробраза, исходя из бытовых условий Казакстана; 7) оказание помощи и отправка на родину бездомных женщин через соответствующие советские учреждения; 8) внесение проектов дополнений и изменений в действующее законодательство с целью устранения препятствий к раскрепощению женщины через комиссию законодательного предположения КЦИК'а и Совнаркома.

При комиссии, согласно положению, находится юридическая консультация, работающая под руководством НКЮ, в задачи которой входит оказание юридической помощи, дача советов, участие в судебных процессах, связанных с семейным, брачным и опекуным правом. Комиссия состоит из 7 человек, во главе с членом Президиума КЦИК'а и при участии представителей Краевого Отдела работниц, союза Кошчи, КСПС, НКИ, ответственного секретаря комиссии и может кооптировать представителей центральных советских учреждений.

При оценке деятельности советского правительства по раскрепощению киргиз-казачки, прежде всего бросается в глаза широта охвата этой деятельности. Борьба за освобождение казачки ведется по всему фронту, во всех отношениях и по всем направлениям.

Захват сделан огромный, он таков и должен быть, средства же и сила невелики. Вот почему

невелики в некоторых отношениях и достигнутые успехи. Но работа растет, цели определенны и ясны, напряжение усиливается, настойчивость также, и результаты, конечно, будут сказываться с каждым годом все больше и больше. Новые идеи глубже и глубже проникают в культурно-отсталые массы угнетенных женщин-казачек; и хотя с трудом, но они распространяются, захватывают все новые и новые слои, и нет сомнения, что недалеко то время, когда освобожденная, и освободившаяся от пут и гнета адата, некультурности, безграмотности и таинственных магических сил, казачка, примет широкое участие в советском строительстве и хозяйстве и тем самым окажет колоссальное влияние на общее культурное и экономическое развитие казакского народа.

При составлении настоящего очерка автор пользовался следующими трудами:

1. Алтынсарин. Очерк обычаев при похоронах киргиз.
 2. Броневский. Записки о киргизах. Отеч. записки 1880. Т. X.
 3. Белиловский К. Женщины инородцев Сибири. СПб. 1894.
 4. Васильев Н. Кочевники Туркестана.
 5. Гольберг С. Из воспоминаний о командировке в киргизскую орду.
 6. Гродеков Н. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I.
 7. Диваев А. О свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области.
 8. Диваев А. Свадебные обычаи у киргизов.
 9. Ибрагимов И. Этнографические очерки киргизского народа.
 10. Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангвклине. 1910.
 11. Краснов. Очерки быта Семиреченских казаков.
 12. Куфтин Б. Киргиз-казаки. М., 1926.
 13. Левшин А. Описание киргиз-казачьих орд и степей. Ч. III.
 14. Отчет Казакстанской экспедиции Академии Наук СССР за 1926 г.
 15. О работе среди женщин в профсоюзах Казакстана. (Директивное письмо Казсовпрофа. Кызыл Орда 1927).
 16. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. III.
 17. Рыскулов Т. Г. Казакстан. М., 1927.
 18. 6-й Всеказакский Съезд Советов (Стенограф. отчет. Кызыл Орда 1927) и др.
- Кроме этого статьями, помещенными: в Киргизской стенной газете (1893—1902 г.); Восточном Обозрении 1882—1884 г., Новом Времени 1879 г. и др.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От издательства	3
1. Общий очерк Казакстана и его населения	5
2. Казачка до революции	15
3. Казачка при советской власти	37

